

Эволюционный аспект морального должествования как вида социальной ответственности

В статье рассматривается эволюционный горизонт феномена морального должествования. К освещению генезиса этого вида социальной ответственности привлекаются положения теории эволюционно стабильной стратегии, что продиктовано, в числе прочего, возрастающим вниманием к этическим аспектам эволюции в современной западной философии. В ходе исследования показано, что на протяжении исторического процесса происходила коэволюция витальных и культурных программ с формированием оптимальных моделей социального поведения. Обосновывается, что на определенной стадии развития эволюционные навыки социальности отразились в универсальной форме морали с ее основными принципами, внешними и внутренними санкциями, содержащими представление о моральном должествовании.

Ключевые слова: мораль, моральное должествование, эволюционно стабильная стратегия, теория игр, социальная ответственность.

Должествование выступает одним из основных этических экзистенциалов человеческой жизни. Являясь основным понятием нравственного сознания и этико-философской мысли, должествование рассматривается как добровольное обязательство действий, основанных на идеальных ценностях и принципах, постулируемых моралью.

Должествование апеллирует к понятию долга и само осознается как долг, являясь формой существования морали, способом ее актуализации. Долг выступает как совокупность требований, обусловленных моральными принципами. Эти требования каждый раз преломляются в личностной форме долга, выявляя степень и способ самоконтроля человека в его нравственной деятельности,

обрисовывая его моральный облик. Таким образом, должное с необходимостью ждет своего осуществления посредством феномена морального долженствования.

В процессе своего исторического осмысления долженствование обретает смысл философской категории. Философское обоснование морального долженствования, как рациональная процедура теоретического сознания, ставит вопрос о природе феномена долга, его истоках и причинах, пытаясь подвести теоретический фундамент под абстрактную структуру нравственности, объяснить и ответить на вопрос, почему должно поступать так-то, почему вообще что-то должно?

В данной статье рассматривается эволюционный аспект обоснования этого идеально-практического феномена. Автор прослеживает генезис морального долженствования как социального обязательства в рамках теории эволюционно стабильной стратегии. Этим предпринимается попытка подойти к проблеме долженствования не столько с философской позиции, сколько с математической, с позиции эволюционной теории игр, что, возможно, поможет представить новую альтернативу традиционной интерпретации морали.

Теория эволюционно стабильной стратегии (ЭСС) к настоящему времени оформилась в отдельное крупное направление исследований. Концепция была предвосхищена работами Р.Х. Маккартура¹ и У.Д. Гамильтона². Сам термин эволюционно стабильной стратегии (evolutionary stable strategy) был введен английским биологом Джоном Мэйнардом Смитом и американским генетиком Дж.Р. Прайсом в статье «The Logic of Animal Conflict»³ и занимает центральное место в книге Дж.М. Смита «Evolution and the Theory of Games»⁴. ЭСС, опираясь на теорию эволюции, использует математические инструменты, в том числе и то, что называется «теорией игр», для объяснения и прогнозирования эволюционного поведения. Первоначально разработанная Джоном фон Нейманом и Оскаром Моргенштерном (1944 г.) теория игр представляет собой математический подход к пониманию результатов взаимодействия между двумя или более лицами, когда выгоды и издержки взаимодействия зависят от стратегии каждого человека. Дж.М. Смит применил теорию игр преимущественно в варианте «равновесия Нэша» к поведению животных и обнаружил, что при различных поведенческих вариациях естественный отбор стремится поддерживать баланс между различными альтернативами в пределах вида. Этот баланс был назван им *эволюционно стабильной стратегией*. По мнению теоретиков, ЭСС представляет собой оптимальный набор образцов (паттернов) поведения, который сохраняет устойчивость по отношению к «мутантным вторжениям» в условиях,

когда затраты и выгоды альтернативных вариантов зависят от выбора других лиц при существующей ограниченности ресурсов. Такая стратегия предполагает относительно максимальное удовлетворение ожиданий полезного результата для всех использующих ее индивидов. Поэтому эволюционно стабильная стратегия, по определению, предпочитается и поддерживается большинством членов общества, отличаясь при этом избирательностью и устойчивостью.

Равновесие Нэша (1950 г.) – это фундаментальное понятие в теории игр и наиболее широко используемый метод прогнозирования результатов стратегического взаимодействия в социальных науках, названный по имени своего создателя Джона Нэша, американского математика, лауреата Нобелевской премии по экономике (1994 г.). Совокупность стратегий в игре от двух и более игроков, при которой стратегия каждого игрока является оптимальной с учетом стратегий всех остальных игроков, получила название «равновесие Нэша». При этом ни один участник не может увеличить выигрыш, изменив свое поведение, если другие участники своих стратегий не меняют. Такое равновесное соотношение является самодостаточным: игрокам выгодно сохранять это равновесие, так как любое изменение ухудшит их положение. Джон Нэш в противовес Адаму Смиту утверждает, что лучший результат в обществе будет достигаться только тогда, когда каждый индивид будет действовать не только на благо себя, но и с учетом интересов коллектива. «Равновесие Нэша заставляет нас вспомнить о метафоре “длинных ложек” (the allegory of the long spoons), согласно которой люди, имея только длинные ложки и пытаясь накормить только себя, всегда оказывались бы голодными. Только когда каждый вынужденно начнет заботиться о ближних, мы обнаружим способы, позволяющие позаботиться обо всех»⁵.

По сути, ЭСС является переработанным и эволюционно стабильным вариантом равновесия Нэша. Различие между равновесием Нэша и ЭСС заключается в том, что решение Нэша удовлетворяет только критерию оптимальности, не учитывая критерий эволюционной стабильности. Т. е. в ЭСС речь идет о том, что выбор паритета происходит путем повторяющегося взаимодействия «игроков» и в соответствии с принципом естественного отбора. Дж. Прайс и Дж.М. Смит показали, как равновесие Нэша релевантно применяется в отношении конкуренции и выживания видов. Экосистема, где все ниши способствуют лучшему жизнеобеспечению всех ее участников, является наиболее устойчивой; этот вывод лег в основу ЭСС. Таким образом, и теория игр, и ЭСС демонстрируют эволюцию сотрудничества и взаимного признания на базе эволюции вообще.

Обнаруженный данными теориями этический аспект эволюции в последнее время вызывает повышенный интерес для экономистов, социологов, антропологов и обществоведов в целом. Все чаще прослеживаются попытки объяснить человеческое поведение и социальные структуры с точки зрения эволюционно стабильных стратегий уже в контексте культурной эволюции, связанной с изменениями убеждений и норм с течением времени. Эта концепция в различных формах используется в современной моральной и политической философии. В частности, философия контракционизма (современная версия теории общественного договора) привлекает теорию игр и ЭСС для формализации доктрины общественного договора⁶.

Итак, ЭСС отвечает на вопрос: как возникает «стартовый механизм» социального партнерства в среде доминирующих некооперативных индивидов? Можно представить, что особи (индивидуумы) как бы играют друг с другом в игры, ставки в которых – само их существование. Постепенно в этих играх определяются предпочтительные стратегии. Вкратце: эволюционно в течение миллионов лет люди жили в социальных группах. Всякое отклонение от оптимального поведения наказывалось естественным отбором. Если человек вел себя неправильно, т. е., по большей части, некооперативно, он подвергался смертельной опасности – либо его съедал хищник, либо он умирал от голода, либо погибал в одиночестве и т. д. Условно, каждый день человеческое поведение тестировалось эволюционным отбором.

Здесь можно предвосхитить вопрос: как в ходе эволюции, где, как принято считать, движущей силой является механизм естественного отбора, прежде всего предполагающий «борьбу за существование и выживание сильнейших», могут проявиться кооперация и взаимопомощь? Такая постановка скорее обнаруживает упрощенное понимание механизмов эволюции. На первый взгляд, эгоизм и особая изобретательность в получении собственной выгоды способствуют успешному выживанию индивида. И, казалось бы, ввиду этого естественный отбор должен провоцировать развитие лишь хищнических инстинктов, алчности, воли к господству и т. п. Но наряду с этим такая специфика эволюционного процесса, как продолжение рода, потребовала от людей постоянной заботы о потомстве, его защиты, и как следствие, развития родительской любви и самоотверженности. Кроме того, слабая выраженность в группе реакций коллективной защиты потомства и самой группы снижала ее шансы на выживание. Поэтому при существовании элементарного индивидуального отбора и межклановой конкуренции именно внутригрупповой отбор стимулировал развитие взаимной поддержки в борьбе за выживание среди

враждебной природы и других сообществ. Стоит также отметить, что самоотверженность и боевая доблесть приводили к коллективному признанию, возрастанию популярности, включая репродуктивный успех.

Соответственно формировались социальные качества как формы общественно-целесообразного поведения. Если поначалу доминировали простые стратегии, такие как «око за око», то со временем появляются расширенные паттерны, развивающиеся на основе более элементарных и т. д. Так, закон сохранения социума наряду с законом самосохранения стал основой проявления зачатков нравственности, представ своеобразным первоучителем этики. Нравственность обнаружилась как эволюционная конституция и одновременно как главное эволюционное преимущество человека, благодаря которому человеческий вид продолжает свое существование.

Таким образом, на протяжении всего общественного развития происходила своего рода экстракция социально адекватных моделей поведения. Рост человеческих социумов приводил к усложнению внутривидовой коммуникации, что порождало появление социальных регламентов, которые со временем закрепились в морально-нравственных нормах. Долженствование социальной нормы обозначилось как самый выгодный и эффективный способ успешного выживания. Нормы становились функциями социального поведения и сутью феноменов человеческого общения. Для поддержания «эволюционно стабильного» типа отношений общество закрепляло правила поведения различными социальными установлениями, табу. Соблюдение табу обеспечивалось применением мер психологического и физического воздействия: наказаниями, отлучением, изгнанием или смертью.

В построенной нами модели возможно предположить последующее формирование важнейших нравственных состояний и регуляторов человеческого поведения, таких как страх, стыд, совесть, вина, ответственность, сопереживание, сострадание. Существенным оказывалось не только само представление о моральной норме, а палитра чувств, переживаемых личностью от совершаемых ею поступков. Это способствовало тому, что чувство справедливости становилось почти инстинктивным. Моральная интуиция побуждала к нахождению оптимального ролевого баланса в отношениях с другими людьми, установлению равновесия между желаемым и необходимым, личным и коллективным. Таким образом, обобщая, можно сказать, что мораль предстает своего рода экстрактом оптимальных социокультурных стратегий, выработанных в ходе исторического процесса.

Здесь дополнительно может возникнуть вопрос: «не принижает ли все сказанное само понятие этики, морали, даже элементарной порядочности до уровня утилитарности, банальной полезности? Не оскорбляем ли мы бесчисленных героев и героинь прошлого, настоящего и будущего сведением их поступков к простой реализации туманных, палеонтологически древних биологических импульсов?.. Не уничтожается ли и не опошляется ли понятие этики как понятие чистого бескорыстия и самоотверженности? Не исчезает ли идея бескорыстия, если оказывается, что приобщение к высочайшим идеалам базируется на конкретных материальных механизмах? Может показаться, что если этическое поведение более выгодно для человечества (пусть в целом, а не индивидуально), то тем больше обесценивается и деградирует самое понятие этики? На все эти вопросы можно, как нам кажется, дать четкий, категоричный отрицательный ответ. И не только потому, что объединение десятков или сотен инстинктивных, полуинстинктивных, условно-рефлекторных, экстраполяционно-рефлекторных реакций, обнаруживаемых у различнейших видов животных, создает у человека качественно особую этику. Не только потому, что нарастание отбора на альтруизм и социальность приводило к ряду качественных скачков. Может быть, всего важнее то, что категория полезности вообще исчезает, заменяется стремлением к возвышенному. Человек, сознательно или подсознательно этичный, оказывается особой системой, зачатки которой, зародившись на примитивных ступенях, становятся высоким активным началом, катализатором бесчисленных реакций внутри индивида и вне его, началом, порождающим бесконечно сложную, непредсказуемую систему социальной преемственности»⁷.

Действительно, эволюционную этику часто упрекают в упрощенном объяснении морали как формы адаптивно-подражательного поведения, в отказе от духовно-ценностного понятийного аппарата, от теоретического наследства этико-философской мысли. Вышеизложенное обоснование делает попытку снять этот упрек, объясняя возникновение морали как трансформацию эволюционно стабильных социальных стратегий в духовную программу с развитием идеальных ценностей.

Содержание, которое для современного человека соединено с моральными требованиями и ассоциируется по большей части именно с императивностью, первоначально осваивалось в процессе осмысления отдельных ситуаций принятия решения, конкретных конфликтов и образующихся предпочтений по их разрешению⁸.

Попытки выйти за пределы одного лишь социального опыта изначально были естественны и неотвратимы, ибо отвечали духовным запросам человека, поскольку он человек. Посредством ретрансляции рефлексий наиболее развитыми творческими индивидами, накопленный социодуховный опыт через означивание, повторение и репрезентацию укоренялся в общественном сознании, языке, культурной памяти. Моральные нормы и нормативное поведение, став инструментами культуры, затем сами оказались объектом ценностной регуляции – следование нормам начало определяться как положительная ценность, а их нарушение оцениваться отрицательно.

Таким образом, данный опыт со временем модифицировался в идеально-ценностную систему морали, которая в итоге обрела конститутивный характер, переходя от означаемого к означающему, императивно структурируя сознание и разум. Как следствие, мораль становится предзаданной, идеально необходимой, сверхэмпиричной. И здесь позволительно допустить, что чувство долга, изначально порожденное отработанным за десятки тысяч поколений эволюции комплексом психических, поведенческих реакций, перешло в кантовский моральный закон. На этой основе возможно предположить и разрешение принципа Юма (гильотина Юма).

Здесь опять может возникнуть вопрос: как, исходя из данной концепции можно объяснить тот факт, что история человечества больше предстает в виде вечных войн, жестокости, преступности и т. п., что скорее внушает мысль, что агрессивность, эгоизм и хищность – природные неискоренимые свойства человечества в целом, и оптимальные эволюционные стратегии не отличаются большой устойчивостью? Факты – «упрямая вещь», но правда важнее фактов. И историческая правда в достаточной степени демонстрирует, что такие дикие проявления имеют свойство саморазрушительности в результате обратных связей, предопределяя неизбежный распад. Примером могут служить истории Греции, Египта, Римской империи и т. д.; это касается и отдельной личности. Впоследствии состояние дикости, всеобщего произвола сменяется повышенным требованием справедливости.

В связи с этим также необходимо подчеркнуть сложный характер должноствоания в отношении социальных норм, ибо действительность моральных требований определяется прежде всего внутренним убеждением человека. Человек потенциально нравственное существо, но реализация этого потенциала зависит от комплекса биогенетических и социальных факторов, включая уровень развития нравственного сознания. Кроме того, поведение людей вообще подвержено множеству влияний физического и психологического

свойства, которые могут ускользать от их контроля. Нравственное чувство может подавляться, вытесняться другими эмоциями. Вообще, чувство долга есть прежде всего самовеление, самообязывание, самоограничение, лишь в каких-то обстоятельствах переходящее во внутреннюю склонность. Уместно упомянуть и социально-экономический аспект долженствования.

Логично допустить, что и разброс качества «человеческого материала» определяется уровнем экономической организованности. Она задает степень востребованности, полезности работника, получая в ответ от него соответствующий градус инициативности, дисциплинированности, стремления к совершенствованию (или, от другой точки отсчета, градус отчуждения и социальной апатии)⁹.

Итак, в своем генезисе общественное сознание, отражая практико-коммуникативный опыт, сообразовывалось с требованиями социальной реальности, формируя идеально-ценностную систему, включающую особые механизмы социального регулирования в виде нормативных предписаний. Степень соответствия индивидуального поведения выявленным нормативным образцам стала определяться категорией ответственности.

Понятие социальной ответственности отражает взаимоотношения между личностью и коллективом, характеризует человека с точки зрения его ориентации на принятые в сообществе нормы и принципы, осознания им социальной значимости своего поведения и его последствий. Социальная ответственность – обобщающее понятие, включающее все виды ответственности в обществе. С этой точки зрения моральная ответственность – разновидность социальной ответственности. Моральная ответственность, безусловно, является наиболее распространенной, так как сфера регулирования общественных отношений нормами морали шире какой-либо другой. Это предполагает ответственность лица не только перед другими членами общества или социальными институтами, но и нравственную ответственность перед самим собой, рассматриваемую как чувство долга, выражаемого в моральном долженствовании.

Упрощенно можно сказать, что социальные нормы, мораль, закон – правила игры в социуме, которые представляют собой определенные договоренности, разделяемые всеми взаимные обязательства-ожидания, благодаря чему жизнь среди себе подобных становится предсказуемой и надежной. Объединяя усилия с другими, желая за счет взаимопомощи решать собственные проблемы,

человек включается в определенное поле взаимных ожиданий и гарантий, которые сводят соучастников в единое целое.

Моральная обязанность, вытекающая из соглашений, проявляется через чувство правого и неправого. Соглашения, изначально заключенные *ради интереса*, по самому своему факту получают моральную санкцию. Эта санкция подкрепляется моральным чувством. Благодаря моральной санкции соглашения начинают восприниматься как значимые сами по себе. Соглашения самим своим наличием детерминируют определенные действия людей. В основе этой детерминации лежат уже не изначальные частные интересы, а ценность соблюдения соглашений как таковая. Соответственно поддержание общественного порядка воспринимается как добродетель, а его нарушение – как порок¹⁰.

В действительности моральные требования и принципы выражают общественный интерес, взятый в предельно всеобщей форме, как принцип человечности вообще. Превращение их в личную задачу человека отражается в понятии морального долга, где должное, полагаясь на социальную ответственность, ожидает своего воплощения посредством морального долженствования. Само содержание морального долженствования в контексте личностного идеального феномена определяется автором как спонтанное переживание сопричастности в своих действиях моральным императивам. Эта спонтанность вырабатывается в сознании человека посредством осмысленного отражения индивидуальных и социальных факторов в его жизнедеятельности как морального субъекта. Так, основными характеристиками морального долженствования являются: добровольность, осознанность, самостоятельность, соучастие (социальная активность и забота).

Моральное долженствование отличается от прочих обязанностей тем, что оно претендует на безусловность, т. е. его выполнение самоценно, приоритетно вне зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Сама моральная необходимость здесь является непреложным и достаточным мотивом для поступка. Особо важно подчеркнуть, что развитие социальной ответственности в виде морального долженствования связано с предоставлением личности свободы нравственного самоопределения. Это дает возможность человеку осознавать собственное достоинство, свою социальную значимость, признавать права других людей, самостоятельно оценивать свои поступки с точки зрения последствий для себя и окружающих. И именно эта свобода в сочетании с ответственностью возводит субъекта в статус демиурга своей судьбы и судьбы

сообщества. Ввиду этого сама общественная мораль – не закоряченная система, находящаяся в состоянии стабильного равновесия, а система, пребывающая в движении, постоянно оценивающая саму себя и заново себя конструирующая. Внутри устоявшихся правил всегда есть место для творчества, создания новых смыслов, ибо меняются условия человеческого существования, расширяются горизонты познаний.

В заключение, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что сама эволюционирующая реальность содержит в себе такие структурные компоненты, которые гипотетически возможно отнести к моральной конститутивности. Иначе наша моральная интуиция не имела бы оснований (т. е. наши представления и факты не могли бы соотнестись). Таким образом, на протяжении исторического процесса происходила коэволюция витальных и культурных программ с формированием оптимальных моделей социального поведения. На определенной стадии развития эволюционные навыки социальности перешли в конститутивную форму морали с ее основными принципами. Так возникла моральная санкция. Данный феномен воплощается в мотиве долга, который санкционирует только те действия, какие не противоречат моральным императивам. Моральная санкция получила выражение в виде укора совести, чувства вины, либо гордости за свой поступок, а также в виде реакции общественного мнения, что обусловило преобразование морального должествования и во внешнюю обязанность, выраженную понятием социальной ответственности.

Современная реальность предоставляет нам невиданные ранее возможности, но и выдвигает сверхсложные проблемы как вызовы времени. Это, с одной стороны, глобальная интеграция, современные коммуникационные технологии, достижения науки, техники, медицины; с другой стороны, политический и религиозный экстремизм, международный терроризм, этнические конфликты, угроза «столкновения цивилизаций». Следует отметить, что при современной преобладающей антинормативной тенденции общественного дискурса в снижении ценностного статуса морального должествования довлеет опасность, что безотчетная свобода может превратиться во вседозволенность, а сверхиндивидуализм – в «моральный аутизм». Отсутствует понимание, что «все люди являются держателями акций в деле сохранения окружающей среды, социально-экономической устойчивости и международной безопасности»¹¹. Ввиду этого вопрос социоморальной идентичности и ответственности – «Чем ты обязан сообществу, в котором ты живешь?» – вновь выходит на первый план.

Моральный скептицизм и предельный релятивизм в эпоху глобальных вызовов становятся стратегически неадекватными. Это вновь возвращает нас к проблеме выбора более оптимальной эволюционно-этической стратегии, которая гармонично поддерживала бы общую жизнеспособность в интересах устойчивого развития как отдельного человека, так и общества в целом. При этом понятно, что такая стратегия не может предполагать рецепт вечного благоденствия. Это не абсолютная программа, а ориентир, метод, с помощью которого человек мог бы проживать свою жизнь наиболее плодотворно и счастливо в конструктивном сотрудничестве с обществом, природой и самим собой. И такая эволюционно-этическая стратегия по определению отличается открытостью, постоянным изменением и развитием ввиду родства с творческим характером самой мировой эволюции.

Примечания

- ¹ *MacArthur R.H.* In Theoretical and mathematical biology / Waterman T., Horowitz H. (eds.). N.Y.: Blaisdell, 1965.
- ² *Hamilton W.D.* Extraordinary sex ratios // Science. 1967. 156 (3774). P. 477–488.
- ³ *Maynard Smith, John and George Price.* The Logic of Animal Conflict // Nature 1973. 146, P. 15–18.
- ⁴ *Maynard Smith.* Evolution and the Theory of Games. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
- ⁵ *Макулин А.В.* Законы этики и crab mentality: Таблица этических искажений // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 110.
- ⁶ Game Theory and Ethics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/game-ethics/> (дата обращения: 11.07.2016).
- ⁷ *Эфроимсон В.П.* Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. С. 27.
- ⁸ *Апресян Р.Г.* Коммуникативный источник морального должностования // Этическая мысль: Ежегодник. Вып. 11. М.: ИФ РАН, 2011. С. 18.
- ⁹ *Осипов Г.А.* Третье измерение в социологии П.А. Сорокина: Оценка нравственности современного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 4. С. 74.
- ¹⁰ *Апресян Р.Г.* Проблема моральной обязательности у Юма // Теоретический семинар сектора этики ИФ РАН. 27 сентября 2011 г. М.: ИФ РАН, 2011. С. 4.
- ¹¹ *Степанянц М.Т.* Цены и ценности в эпоху глобализации // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 47.